

На правах рукописи

КОЛОБОВА Ксения Анатольевна

**ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ
ЗАПАДНОГО ПАМИРО-ТЯНЬ-ШАНЯ**

Специальность 07.00.06 – археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Новосибирск – 2014

Работа выполнена в отделе археологии каменного века Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН)

Официальные оппоненты:

Анисюткин Николай Кузьмич, доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории материальной культуры Российской академии наук, ведущий научный сотрудник-консультант отдела археологии палеолита.

Павлов Павел Юрьевич, доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, главный научный сотрудник отдела археологии.

Таймагамбетов Жакен Кожаметович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Казахстана, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, декан факультета истории, археологии и этнологии.

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук

Защита диссертации состоится 16 июня 2014 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 003.006.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при ИАЭТ СО РАН по адресу 630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИАЭТ СО РАН

Автореферат разослан ___ апреля 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

С.В. Маркин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и научная значимость исследования определяются тем, что результаты изучения в течение последнего десятилетия новых (Додекатым-2, Кызыл-Алма-2) и ранее известных ключевых (Кульбулак, Шугноу) верхнепалеолитических объектов вступили в противоречие с устоявшимся восприятием верхнепалеолитической эпохи на рассматриваемой территории как архаичного явления с мозаичными характеристиками. Полученные на настоящий момент данные позволяют выделить на основе материалов изученных объектов единую верхнепалеолитическую культуру, определить ее характерные черты, особенности генезиса, динамику развития и особенности взаимодействия с культурными явлениями на сопредельных территориях. Для аргументирования новой интерпретации эпохи верхнего палеолита в данном регионе необходимо ввести в научный оборот и обобщить данные, полученные за последнее десятилетие изучения верхнепалеолитических памятников Западного Памиро-Тянь-Шаня, что позволит интегрировать верхнепалеолитические комплексы региона в общую схему развития палеолитических культур Евразии.

Цель исследования состоит в выделении и обосновании кульбулакской верхнепалеолитической культуры на территории Западного Памиро-Тянь-Шаня. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

- анализ и систематизация имеющихся опубликованных данных по верхнепалеолитическим комплексам региона;
- детальный технико-типологический анализ с элементами атрибутивного подхода опорных верхнепалеолитических каменных индустрий Западного Памиро-Тянь-Шаня (стоянки Кульбулак (слои 2.1 и 2.2), Кызыл-Алма-2, Додекатым-2, Шугноу);
- разработка критериев, определяющих выделение кульбулакской культуры и отдельных этапов ее развития;
- сопоставительный анализ кульбулакских верхнепалеолитических комплексов с переходными и верхнепалеолитическими индустриями Западного Памиро-Тянь-Шаня и сопредельных территорий для определения специфики происхождения и направления развития выделяемой культуры.

Территориальные рамки исследования определяются расположением изучаемых археологических объектов на территории двух горных систем – Западного Тянь-Шаня и северной части Памиро-Алая, которые составляют северо-западную окраину Высокой Азии. Таким образом, территориальный охват исследования можно охарактеризовать как «Западный Памиро-Тянь-Шань».

Хронологические рамки работы ограничивают временной интервал от возникновения в регионе выделяемой кульбулакской верхнепалеолитической культуры до появления на изучаемой территории мезолитических технокомплексов. Что касается выражения границ данного диапазона в абсолютных значениях, то они обозначены наиболее ранней имеющейся на настоящий момент для региона датировкой верхнепалеолитических комплексов (стоянка Кульбулак) в 39 ± 4 тыс. л.н. (календарный возраст), с одной стороны, и известной датой для раннемезолитических комплексов стоянки Ошхона (Памир) в 10867 ± 203 л.н. (калиброванный CalPal), с другой.

Методика исследования. В работе применялись как общенаучные методы (описание, обобщение, типологизация, классификация, конкретный, атрибутивный и логический анализы, синтез, аналогия, реконструкция, корреляция), так и частно-научные методы (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, метод периодизации исторического процесса, проблемно-хронологический метод). Для определения значимых признаков верхнепалеолитических комплексов региона использовался общепринятый в археологических исследованиях технико-типологический метод исследования, а также атрибутивный подход и технологический метод, целью использования которых было выявление основных трендов развития изучаемых индустрий. Для выяснения палеоэкологической ситуации на изучаемых памятниках был применен сопоставительный анализ данных палинологического и фаунистического исследования, результатов литологического изучения релевантных стратиграфических разрезов, а также петрографического анализа сырьевой базы изучаемых индустрий.

Защищаемые положения:

1. На основе результатов технико-типологического анализа с элементами атрибутивного подхода исследованных комплексов утверждается их принадлежность к единой верхнепалеолитической культуре, названной по опорному памятнику кульбулакской.

2. Основной технико-типологической характеристикой кульбулакской культуры является развитое мелкопластинчатое расщепление, направленное на производство типологически выраженного инвентаря, включающего и ранние проявления геометрических форм.

3. На основе изучения памятников кульбулакской верхнепалеолитической культуры выделяется несколько этапов ее развития, связанных с постепенным изменением технологии расщепления камня и композиции орудийного набора.

4. Одним из источников формирования кульбулакской культуры являются региональные переходные комплексы, что позволяет говорить о

преимущественности развития культуры древнего человека в изучаемом регионе.

5. Анализ кульбулакской культуры в контексте верхнего палеолита сопредельных территорий позволяет говорить о полигенетическом характере происхождения данной культуры, что дает возможность предложить новую интерпретацию культурно-популяционной динамики на территории Западного Памиро-Тянь-Шаня в верхнем палеолите. Данная интерпретация подразумевает наличие повторяющихся межкультурных разнонаправленных взаимодействий между популяциями, населявшими территории Ближнего, Среднего Востока и западного сектора Центральной Азии в финале верхнего плейстоцена.

Научная новизна. В диссертации на основе обобщения новых археологических, палеоантропологических и естественнонаучных материалов одного из ключевых районов евразийского палеолита и введения в полном объеме в научный оборот статистических данных по опорным стратифицированным верхнепалеолитическим объектам Западного Памиро-Тянь-Шаня, а также в результате широких сопоставлений изученных объектов со стоянками сопредельных территорий предложена совершенно новая картина происхождения и развития верхнепалеолитических каменных индустрий региона. Впервые на изучаемой территории выделена единая верхнепалеолитическая культура, демонстрирующая развитие в регионе мелкопластинчатой техники с самобытным микролитическим комплексом. Впервые предлагается и обосновывается гипотеза о полигенетическом характере верхнего палеолита региона, являющегося результатом, как эволюционного развития локальных переходных комплексов, так и следствием повторяющихся межкультурных взаимодействий с популяциями сопредельных территорий.

Источниковая база диссертации. Основу работы составили результаты многолетних экспедиционных работ автора на опорных палеолитических памятниках Западного Тянь-Шаня: стоянки Кульбулак, Кызыл-Алма-2 и Додекатым-2. Также в работу включены результаты выполненного автором технико-типологического и атрибутивного анализа каменных индустрий ключевого стратифицированного объекта Памиро-Алая – стоянки Шугноу, полевые исследования которой были проведены в 1969 и 1970 гг. В обобщающих разделах привлечены архивные данные (прежде всего, полевая документация: рабочие чертежи, дневниковые записи исследователей и т.п.) по верхнепалеолитическим комплексам изучаемого региона, хранящиеся в научных учреждениях и музеях Новосибирска, Ташкента, Самарканда и Душанбе; анализ опубликованных материалов по верхнему палеолиту Ближнего, Среднего Востока и Южной Сибири. Важным источником для работы послужили данные исследований

палеолитических памятников, полученными специалистами в области естественных наук: С.В. Лещинского, И.С. Новикова, С.А. Несмеянова, Д.Е. Лунева (геоморфология, стратиграфия); Е.М. Буркановой, Г.Н. Лисицыной, Н.А. Рудой (палинология); М. Жермонпре (фауна); Н.А. Кулик (петрография); Б. Виолой (антропология); Д. Ванденберге, Т. Джаллом (абсолютное датирование); Е.Ю. Гирей (трасология).

Научно-практическая значимость диссертации состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в подготовке обобщающих трудов, посвященных древнейшей истории Центральной Азии, в учебном процессе (подготовка курсов лекций и семинаров по археологии и антропологии). Археологические коллекции комплексов, представленных в работе, уже в настоящее время экспонируются в музеях Ташкента, Ангрена (Узбекистан) и Душанбе (Таджикистан). Полученные стратиграфические профили и репрезентативные коллекции каменных артефактов позволяют проводить полевые школы для студентов и аспирантов, специализирующихся на археологии каменного века и геологии четвертичного периода.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации изложены в 48 научных работах на русском и иностранных языках, в том числе в 16 статьях в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК. Результаты исследований были представлены в докладах на всероссийских и международных симпозиумах и конференциях в Ташкенте (2004), Лиссабоне (2006), Новосибирске (2006), Иркутске (2007), Флоренции (2007), Ханое (2009), Новгороде (2011), Улан-Удэ (2012), Гонолулу (2013), Алма-Ате (2013), на заседаниях отдела палеолита Института археологии АН РУз в Самарканде и Ташкенте (2004–2011), отдела каменного века Института археологии, этнографии и истории Таджикской АН в Душанбе (2010), а также регулярно обсуждались на заседаниях отдела археологии каменного века и ежегодных отчетных сессиях ИАЭТ СО РАН.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованной литературы, списка сокращений и приложения, состоящего из иллюстраций и статистических таблиц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы актуальность и научная значимость темы, ее хронологические и территориальные рамки, сформулированы цель и задачи работы, охарактеризованы основные методологические принципы исследования. Проведен краткий обзор дискуссионных моментов, связанных с определением археологических культур и критериев их выделения. Учитывая имеющиеся на настоящее время разработки, в данном сочинении принимается точка зрения, что археологические

культуры могут быть выделены на материалах палеолитических памятников без их привязки к генезису определенных этносов. При этом археологическая культура рассматривается как служебное понятие, применяющееся на интерпретационном уровне исследования. При выделении археологической культуры необходимо применять системный подход, т.е. характеризовать весь комплекс признаков, определяющих ее специфику: характеристики первичного и вторичного расщепления, орудийный набор комплексов, а в некоторых случаях и характеристики костяной индустрии, поселенческой активности и неутилитарной деятельности древнего человека. Поскольку археологическая культура трансформируется с течением времени, для объединения нескольких индустрий в единую культуру необходимо доказать наличие в них общего вектора трансформации, выражающегося в одинаковых тенденциях изменения «базовых» и специфических характеристик каменной индустрии. Существование конкретной культуры определяется в ограниченном хронологическом диапазоне, в рамках которого можно выделить зарождение (появление) данной культуры, ее расцвет, и исчезновение (затухание, замещение или радикальная трансформация).

Для объединения ряда палеолитических индустрий в рамках единой археологической культуры необходимо наличие следующих критериев. 1. Сходство на уровне типологии и технологии первичного расщепления: присутствие специфических схем и приемов раскалывания, направленных на получение определенных типов заготовок, выраженное в устойчивых морфологических признаках основных категорий первичного расщепления. 2. Сходство на уровне типов и композиции орудийного набора, а также приемов вторичной обработки. 3. Заявляемые для выделяемой культуры особенности, как первичного расщепления, так и орудийного набора должны иметь характерные отличия от синхронных комплексов соседних территорий. Данные различия позволяют определить географические рамки существования определенной культуры. Таким образом, наличие выраженной локализованной области распространения технологически и типологически близких каменных индустрий (выделение центральной и периферийных зон) также является одним из признаков для выделения археологической культуры.

В разделе, касающемся методики исследования, приведено толкование ряда терминов, содержание которых может вызвать разночтения. Прежде всего, речь идет о кареноидной технологии, занимающей в рассматриваемых комплексах ключевое место. Употребление термина «*carène*» имеет долгую историю, начинающуюся в конце XIX века. С момента своего первоначального определения и вплоть до последнего десятилетия предметы кареноидной морфологии определялись преимущественно как орудия, соответственно, их

типологическая дифференциация (скребки или резцы) подразумевала лишь орудийную деятельность. Разработка и использование в последние десятилетия методик раскопок, обеспечивающих большую тщательность полевых исследований, повлекли за собой обнаружение значительного количества мелких пластинчатых заготовок с непрямым профилем (в том числе и ретушированных). А применение аппликативного метода показало, что данные пластинки с изогнутым, либо закрученным профилем в большинстве случаев были получены с кареноидных изделий [Le Brun-Ricalens, 2005; Haays, Lucas, 2000; Belfer-Cohen, Grosman, 2006].

Кареноидные нуклеусы в нашем понимании обладают следующими характеристиками:

1. принцип расщепления – объемный;
2. фронт ядрища изогнут в профиле, придавая килевидный облик изделию;
3. зона ударной площадки, с которой происходила непосредственно реализация снятий, образует в плане четко выраженную плавную дугу;
4. ядрища предназначены исключительно для получения мелких пластинчатых заготовок (шириной до 12 мм включительно).

Если нуклеус, удовлетворяющий перечисленным условиям, изготовлен на отдельности сырья, то он определяется как *простой кареноидный*.

Если ядрище изготовлено на сколе, и фронт расщепления ориентирован таким образом, что снятие пластинок велось с вентральной (в редких случаях с дорсальной) поверхности, выбирая полезный объем ядрища между вентральной и дорсальной плоскостями, то оно определяется как кареноидное на сколе *поперечной ориентации*. Ядрища с такими характеристиками типологически наиболее близки кареноидным (нуклевидным) скребкам.

Если фронт расщепления ядрища, изготовленного на сколе, ориентирован таким образом, что ударной площадкой служила одна из продольных или поперечных граней скола, а в процессе утилизации выбирался полезный объем ядрища относительно параллельно вентральной и дорсальной плоскостям заготовки, то оно определяется как кареноидный нуклеус на сколе *продольной ориентации*. Этим кареноидным изделиям наиболее близки кареноидные резцы европейской классификации.

В первой главе – «**Характеристика верхнего палеолита Памиро-Тянь-Шаня**» – рассматриваются вопросы, связанные с исследованием верхнепалеолитической эпохи на указанной территории. С этой целью в параграфе 1.1. *История изучения верхнего палеолита региона* приводится обзор основных этапов исследования верхнего палеолита Памиро-Тянь-Шаня. Весь период изучения верхнепалеолитических памятников на

территории Памиро-Тянь-Шаня, равно как и Средней Азии, в целом, можно разделить на три крупных этапа. Этап I: 1939–1954 гг. Обнаружение верхнего палеолита в регионе. В рамках данного этапа была обнаружена Самаркандская стоянка и проведены первые исследования данного памятника. Этап II: 1954–1990 гг. Масштабные археологические исследования. В данный период отмечается усиление интенсивности археологических изысканий, обусловленных как плановыми исследованиями центральных и местных научных институтов, так и масштабными строительными работами, проводившимися на территории среднеазиатских республик. Этап III: 1991 г. – настоящее время – период международных проектов.

В археологической литературе неоднократно указывалось, что количество памятников среднего палеолита на территории Средней Азии в целом значительно превышает количество верхнепалеолитических объектов. В связи с этим, высказывалось несколько предположений о причинах, повлекших за собой такое положение вещей. В качестве основной предлагалась гипотеза о климатически-обусловленной депопуляции Средней Азии в последней трети верхнего плейстоцена. В свете открытий последнего десятилетия стало возможным утверждать, что даже в условиях повышенной аридизации климата в конце верхнего плейстоцена заселение древним человеком предгорных и среднегорных районов Средней Азии полностью не прекратилось. После открытия нескольких новых многослойных верхнепалеолитических стоянок и получения серии абсолютных датировок их культурных слоев (Майбулак, Кызыл-Алма-2, Додекатым-2), а также в результате возобновления исследования ряда известных палеолитических памятников (Кульбулак) «верхнепалеолитическая лакуна» региона стала постепенно заполняться. По всей видимости, в условиях повышенной аридизации последней трети верхнего плейстоцена древний человек не покинул полностью центральноазиатский регион, а изменил адаптационные стратегии пространственного освоения ландшафта. Использование естественных убежищ (гrotы и пещеры), расположенных в среднегорном поясе, сменилось предпочтением открытых пространств предгорной зоны и межгорных котловин, в которых сохранялись постоянные водные потоки (Самаркандская стоянка, Додекатым, Шугноу) и/или восходящие источники предгорного коллекторного типа (Кульбулак, Кызыл-Алма-2). Возможно, что в ответ на изменение экологических условий, древний человек вынужден был радикально изменить и охотничьи стратегии. Необходимость охоты на более мелкую и мобильную дичь, видимо, потребовало использования более легкого и/или дистанционного охотничьего оружия, что и привело к переориентации каменного

производства на получение мелких пластинок и микролитизации орудий, наблюдаемых в индустриях стоянок Додекатым-2, Шугноу, Кульбулак.

Автором анализируется степень репрезентативности и информативности верхнепалеолитических памятников региона и проводится сравнение с представленностью среднепалеолитических комплексов. В результате делается вывод, что количество и степень репрезентативности верхнепалеолитических памятников в регионе ненамного уступает репрезентативности среднепалеолитических объектов.

Вторая глава – «**Верхнепалеолитические комплексы стоянки Кульбулак**» – посвящена изложению и анализу данных, полученных при изучении верхнепалеолитических индустрий опорного многослойного палеолитического памятника Западного Памиро-Тянь-Шаня – стоянки Кульбулак.

2.1 Местонахождение и история изучения памятника.

Многослойная стоянка открытого типа Кульбулак находится на юго-восточных склонах Чаткальского хребта в Ташкентской обл. Республики Узбекистан. Памятник был обнаружен О.М. Ростовцевым в 1962 г. Стационарные раскопки стоянки проводились в несколько этапов. Первый исследователь памятника М.Р. Касымов проводил раскопки с перерывами в период с 1963 по 1985 г. За время работ на памятнике под его руководством общая площадь превысила 600 м², а максимальная мощность вскрытых четвертичных отложений составила 19 м. Согласно его интерпретации, были выявлены отложения, относящиеся к нижнему (22 слоя), среднему (24 слоя) и верхнему (3 слоя) палеолиту. Верхнепалеолитические комплексы, по данным М.Р. Касимова, продолжали мустьерские традиции обработки камня, однако в первичное расщепление внедряются типично верхнепалеолитические призматические и конусовидные формы нуклеусов. При этом в орудийном наборе продолжают существовать те же формы орудий, которые отмечались и в мустьерских слоях памятника.

После М.Р. Касимова раскопки верхнепалеолитических отложений стоянки были предприняты в начале 90-х гг. XX века Т.Ю. Гречкиной. В 1994–1995 гг. раскопки верхней пачки отложений проводила российско-узбекская экспедиция под руководством Н.К. Анисюткина. К верхнему палеолиту исследователи отнесли малочисленные комплексы из слоев 1 и 2. В 2001–2002 гг. исследование стоянки Кульбулак проводилось под руководством У.И. Исламова.

В 2007–2011 гг. раскопки на стоянке Кульбулак были возобновлены силами международной экспедиции, организованной ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск, Россия), ИА АН РУз (г. Самарканд, Узбекистан) и Королевским музеем искусств и истории (г. Брюссель, Бельгия).

2.2 Стратиграфия, палинология и фауна стоянки Кульбулак.

Мощность вскрытых в результате работ последнего этапа отложений превысила 14 м. Исследованные верхнепалеолитические горизонты стоянки Кульбулак вмещены во второй литологический слой. Несмотря на пролювиальный генезис отложений, археологический материал, содержащийся в литологическом слое 2, подвергся лишь незначительному перемещению. В ходе раскопочных работ было зафиксировано, что верхнепалеолитический материал в пределах второго литологического подразделения залегает двумя количественно неравнозначными культурными слоями, отражающими, по всей видимости, два разделенных неопределенным временным интервалом эпизода обитания на данной стоянке древних людей. Верхний с более многочисленными артефактами (культурный слой 2.1) свидетельствует о длительном обитании, а нижний (культурный слой 2.2) – о менее продолжительном обживании участка. В настоящее время получена OSL-датировка слоя 2 стоянки Кульбулак – 39000 ± 4000 (GLL-080316). Данная датировка, учитывая современную интерпретацию культурно-исторических событий в верхнем палеолите региона, выглядит удивительной. Однако необходимо иметь в виду, что использовавшийся метод OSL дает календарный возраст, в то время как хронологическая картина развития верхнепалеолитических индустрий региона схожего облика составлена по немногочисленным некалиброванным радиоуглеродным датировкам, которые отличаются от календарного возраста в меньшую сторону.

В литологическом слое 2 было обнаружено несколько фрагментов костного материала в плохой сохранности: были идентифицированы фрагменты костей, принадлежавшие родам *Equus* sp. и *Bos* sp. (личное сообщение PhD М. Жермонпре, 2009 г.).

Проведенный палинологический анализ показал доминирование пыльцы травянистых растений. Преобладание в спектре пыльцы семейства Asteraceae позволяет предположить развитие полупустынных сообществ.

2.3 Палеоантропологический материал. В 2009 г. в подошве слоя 2.1 был найден зуб древнего человека, являющийся третьим нижним премоляром человека современного облика. Он обнаружен в непотревоженном стратиграфическом контексте и имеет хорошую сохранность. На настоящий момент данная находка представляет собой первое для территории Средней Азии бесспорное свидетельство, ассоциирующее верхнепалеолитическую индустрию с конкретным видом человека.

2.4 Техничко-типологическая характеристика археологических комплексов памятника Кульбулак. Комплекс слоя 2.2 включает 11851 артефакт. Из этого количества в качестве отходов производства было зафиксировано 10024 экз. Типологически определяемая часть коллекции

насчитывает 1827 экз. Нуклевидных изделий было выделено 94 экз., из которых 22 экз. являются нуклевидными обломками. Коллекция нуклеусов состоит из 72 экз. ядрищ, выполненных в рамках плоскостного, призматического и торцового принципов расщепления. В комплексе было обнаружено 90 экз. технических сколов, включающих сколы подправки ударных площадок призматических нуклеусов, сколы подправки дуги скалывания плоскостных нуклеусов, краевые крутолаторальные сколы, реберчатые и полуреберчатые сколы, скол латеральной подправки кареноидного нуклеуса, сколы оформления резцов. Индустрия сколов включает: пластинки – 408 экз., пластины – 293 экз., пластинчатые отщепы – 47 экз., отщепы (в наибольшем измерении превышающие 2 см) – 884 экз., остроконечники – 11 экз. Орудийный набор насчитывает 75 экз. и включает изделия из категории микроинвентаря (пластинки дюфур, пластинки с ретушью, микроскребки), скребки, долотовидные орудия, пластины с ретушью, пластину с притупленным краем, скребла, остроконечники с ретушью, орудия с подтеской, ножи с обушками, шиповидные орудия, выемчатые орудия, зубчатые орудия и отщепы с ретушью.

Коллекция культурного слоя 2.1 насчитывает 43853 артефакта. Из этого количества к отходам производства было отнесено 37751 экз. Типологически определяемая часть комплекса насчитывает 6102 экз. К нуклевидным изделиям было отнесено 472 экз., из которых 136 экз. были определены как нуклевидные обломки. Нуклеусов в индустрии содержится 336 экз. Они выполнены в рамках призматического, плоскостного и торцового принципов расщепления. В комплексе слоя 2.1 было выявлено 290 экз. технических сколов: краевые сколы, реберчатые и полуреберчатые сколы, сколы подправки ударных площадок призматических нуклеусов, сколы подправки дуги скалывания плоскостных нуклеусов, занырывающие сколы с призматических одно- и двуплощадочных нуклеусов, удаливших базальную часть ядрищ, сколы оформления резцов. Индустрия сколов в слое 2.1 включает 5340 экз. Из этого количества пластинок – 1907 экз., пластин насчитывается 870 экз., пластинчатых отщепов – 158 экз., отщепов – 2392 экз., остроконечников – 13 экз. Орудийный набор комплекса слоя 2.1 насчитывает 382 экз. Он включает предметы из категории микроинвентаря (треугольный микролит, пластинки дюфур, пластинки с притупленным краем, пластинки с ретушью, микроострия с ретушью, микроскребки, микродолотовидные изделия), скребки, долотовидные орудия, пластины с ретушью, пластину с притупленным краем, тронкированную пластину, резцы, проколки, унифас, скребла, остроконечники с ретушью, ножи с обушками, выемчатые и зубчатые орудия, шиповидные орудия, чоппер, отщепы с ретушью.

2.5 Сопоставление каменных индустрий слоев 2.1 и 2.2. Технологические и технико-типологические характеристики исследованных комплексов (слоев 2.2 и 2.1) стоянки Кульбулак свидетельствуют об их генетической связи. Зафиксированные различия в технико-типологических параметрах индустрий обусловлены как разницей в функциональной специфике объектов и продолжительности эпизода заселения, так и некоторым хронологическим разрывом между индустриями двух культурных слоев. На наш взгляд, ассамбляжи отражают два последовательных этапа развивающейся в регионе верхнепалеолитической мелкопластинчатой культуры, в первичном расщеплении демонстрирующей появление и распространение кареноидной технологии. Орудийный набор комплексов демонстрирует появление определенных типов орудий, изготовленных на пластинках (пластинок дюфур, ретушированных пластинок, пластинок с притупленным краем, треугольных микролитов) на фоне доминирования скребков и долотовидных орудий различных модификаций. Снизу вверх по разрезу отмечается уменьшение доли орудий зубчато-выемчатой группы и шиповидных изделий.

Третья глава – «**Стоянка Кызыл-Алма-2**» – посвящена изложению и анализу данных, полученных при изучении верхнепалеолитического комплекса стоянки Кызыл-Алма-2.

3.1 Местонахождение и история изучения памятника. Стоянка расположена на юго-восточном склоне Чаткальского хребта, на расстоянии 1200 м на север-северо-запад от стоянки Кульбулак. Памятник обнаружен в 2007 г. участниками Центральноазиатского палеолитического отряда. В 2008 г. на памятнике были проведены стационарные раскопки.

3.2 Стратиграфия памятника Кызыл-Алма-2. Общая площадь раскопа, глубиной более 4 м, составила 8 м². Анализ стратиграфических подразделений показал, что во вскрытом разрезе представлены склоновые отложения преимущественно делювиального генезиса, с наложением на разных этапах осадконакопления эоловых и селевых процессов. Пачка отложений была разделена на четыре отдельных стратиграфических подразделения. Археологический материал с различной степенью концентрации фиксируется во всех четырех вскрытых стратиграфических подразделениях. Основываясь на характере отложений, содержащих культурные остатки, можно предположить наличие площадного смещения данных отложений, но, учитывая ландшафт данного участка (примыкание рыхлых отложений непосредственно к коренным выходам кремнесодержащих известняков), следует заключить, что расстояние подобного переноса было незначительным. Схожие по всему разрезу технико-типологические характеристики каменного инвентаря, наряду с присутствием во всех стратиграфических подразделениях одинаковых специфических серийных

форм артефактов, позволяют предположить, что в результате гравитационных процессов частичному смещению подверглись культурные остатки, аккумулировавшиеся в течение ограниченного промежутка времени (по крайней мере, в рамках одного культурно-периодизационного этапа каменного века) на гипсометрически более высокой (по сравнению с настоящим положением артефактов в слоях) площадке. Поэтому было принято решение рассматривать весь имеющийся набор каменных изделий как единый комплекс.

3.3 Техничко-типологическая характеристика археологического комплекса Кызыл-Алмы-2. Общее количество артефактов стоянки Кызыл-Алма-2 составляет 4807 экз. Подавляющее большинство артефактов (4344 экз.) представлено отходами производства. Нуклевидные изделия насчитывают 101 экз. Данная категория включает в себя как типологически определяемые ядрища (39 экз.), так и нуклевидные обломки (62 экз.) Утилизация ядрищ проходила в рамках торцового, плоскостного и призматического принципов расщепления. Набор технических сколов индустрии включает 21 экз. и состоит из краевых сколов, сколов подживления рабочей поверхности нуклеусов параллельного способа расщепления, реберчатых и полуреберчатых сколов. Сколы в коллекции представлены пластинками – 26 экз., пластинами – 68 экз., пластинчатыми отщепами – 27 экз. и отщепами – 220 экз. Орудийный набор насчитывает 59 экз.: пластинка дюфур, скребки, долотовидные изделия, пластины с ретушью, тронкированная пластина, проколка, скребла, ножи с обушком, выемчатые орудия, шиповидные орудия и отщепы с ретушью.

3.4 Общие характеристики индустрии вскрытого участка стоянки Кызыл-Алма-2. Памятник Кызыл-Алма-2, приуроченный к известняковому скальному массиву, представляет собой толщу, сформированную делювиальными и селевыми (в основании) отложениями, в которой представлены материалы, вероятно, однослойной стоянки, располагавшейся на небольшом расстоянии выше по склону, смещенные в результате склоновых процессов. Нахождение артефактов в перемещенном состоянии на исследуемой стоянке является «нормой» для региона Средней Азии, где и в настоящее время активно проходят селевые и склоновые процессы. В целом, в коллекции Кызыл-Алмы-2 представлен типологически и технологически однородный материал, демонстрирующий все этапы апробирования сырья, декорткации заготовок нуклеусов, расщепления плоскостных, торцовых и призматических нуклеусов и, возможно в меньшей степени, оформления и утилизации орудий. Общий состав ассамбляжа свидетельствует, что на территории стоянки преимущественно проводились операции по оформлению пренуклеусов, которые впоследствии транспортировались в места постоянного обитания древнего человека.

Четвертая глава – «**Стоянка Додекатым-2**» – посвящена изложению и анализу данных, полученных при изучении верхнепалеолитических комплексов стоянки Додекатым-2.

4.1 Местонахождение и история изучения памятника. Стоянка была обнаружена в 2005 г. сотрудниками Института археологии и этнографии СО РАН в среднем течении р. Пальтау (правый приток р. Чаткал, Ташкентская обл., Республика Узбекистан). Полевые исследования показали наличие пяти культурных слоев, верхний из которых, включенный в дерново-почвенный горизонт, является в значительной степени нарушенным.

4.2 Стратиграфия и абсолютное датирование памятника Додекатым-2. Стратиграфия стоянки Додекатым-2 обусловлена делювиально-пролювиальным генезисом предгорного шлейфа (террасовидного уступа), в отложениях которого залегают культурные остатки. Основу шлейфа составляет крупное оползневое тело, в середине разреза ясно прослеживаются отложения древних периодических грязекаменных (селевых) потоков, а венчают разрез делювиальные и эоловые осадки, в которые и вмещены археологические слои. На настоящее время для стоянки Додекатым-2 имеется три определения абсолютного возраста, выполненные для нижней части культурного слоя 4 радиоуглеродным методом (AMS) в лаборатории NSF Аризонского университета (г. Тусон, США). Два образца показали очень близкий возраст – 23800 ± 190 л.н. (AA69073, датируемый материал – уголь) и 23600 ± 330 л.н. (AA69075, датируемый материал – кость). Один образец дал более позднюю дату в 21850 ± 180 л.н. (AA69074, датируемый материал – уголь). Два образца, отобранных из культурного слоя 2, показали финально-средневековый возраст – 431 ± 33 л.н. (AA69071) и 433 ± 36 л.н. (AA69072), что обусловлено наличием многочисленных биотурбаций верхней части отложений памятника.

4.3 Техничко-типологическая характеристика археологических комплексов памятника Додекатым-2. В слое 5 было обнаружено 357 каменных артефактов, среди которых отходы производства насчитывают 177 экз. Стратегии первичного расщепления, применявшиеся в индустрии данного слоя, были направлены преимущественно на получение разноразмерных пластинчатых заготовок с призматических и торцовых нуклеусов. Нуклевидные формы (20 экз.) включают в себя как нуклевидные обломки (6 экз.), так и типологически выраженные нуклеусы (14 экз.), выполненные в рамках призматического, плоскостного и торцового принципов расщепления. Технические сколы (11 экз.), представленные в коллекции, включают краевые сколы, сколы, относящиеся к редуccionному этапу подживления фронта скалывания нуклеуса и один скол, служивший для латеральной подправки

кареноидного нуклеуса. Индустрия сколов насчитывает 149 экз. и включает пластинки – 60 экз., пластины – 7 экз., пластинчатые отщепы – 22 экз., отщепы – 59 экз. и остроконечник. Орудийный набор комплекса составляет 15 экз. и включает предметы из категории микроинвентаря (пластинки с притупленным краем и пластинки с ретушью), скребки, пластины с ретушью, скребла, отщепы с ретушью.

Коллекция слоя 4 насчитывает 2697 каменных артефактов, из них отходы производства составляют 2229 экз. Нуклевидные изделия (28 экз.) представлены нуклевидными обломками (4 экз.), истощенными ядрищами (5 экз.) и типологически выраженными нуклеусами (19 экз.), выполненными в рамках призматического, плоскостного и торцового принципов расщепления. Большинство технических сколов (50 экз.) составляют краевые снятия, однако имеются реберчатые и полуреберчатые сколы, а также сколы подправки ударных площадок призматических нуклеусов. Индустрия сколов включает пластинки – 176 экз., пластины – 39 экз., пластинчатые отщепы – 31 экз., отщепы – 144 экз. Орудийный набор комплекса насчитывает 87 экз. и состоит из предметов микроинвентаря (треугольный микролит, пластинки с притупленным краем, пластинки с ретушью, пластинки с ретушью по продольным краям и подтесанным базальным основанием, микроострия, микроскребок), скребков, долотовидных орудий, пластин с ретушью, тронкированных сколов, резца, проколов, комбинированных орудий, скребла, шиповидных орудий, зубчатых орудий и отщепов с ретушью.

Коллекция культурного слоя 3 составляет 765 экз., из которых отходы производства насчитывают 601 экз. К нуклевидным изделиям отнесено 3 экз., из которых два являются нуклевидными обломками. Единственный нуклеус выполнен в рамках призматического принципа расщепления. Имеющиеся в коллекции технические сколы (2 экз.) представлены краевыми снятиями. В индустрии рассматриваемого комплекса насчитывается: пластинок – 63 экз., пластин – 27 экз., пластинчатых отщепов – 9 экз., отщепов – 60 экз. Орудийный набор включает 33 экз. и состоит из: из предметов микроинвентаря (треугольный микролит, пластинки с притупленным краем, пластинки с ретушью, пластинки с ретушью по продольным краям и подтесанным базальным основанием, трехгранный микролит), скребков, долотовидных орудий, пластин с ретушью, комбинированного орудия (скребок-долото), ножей с обушками, шиповидных орудий, отщепов с ретушью и чоппера.

Каменная индустрия культурного слоя 2 насчитывает 2936 экз., из которых к отходам производства было отнесено 2161 изделий. В состав нуклевидных изделий слоя входит 32 экз., из которых типологически выраженные ядрища насчитывают 24 экз., выполненные в рамках призматического, плоскостного и торцового принципов расщепления.

Количество технических сколов – 56 экз., большинство из которых составляют краевые сколы. Присутствуют также полуреберчатые и реберчатые пластины, а также сколы подправки ударных площадок призматических и плоскостного нуклеуса. Коллекция сколов состоит из пластинок – 321 экз., пластин – 111 экз., пластинчатых отщепов – 43 экз., отщепов – 205 экз. и остроконечников – 8 экз. Орудийный набор слоя включает в себя 120 изделий. Подавляющее количество орудий слоя принадлежит к категории микроинвентаря (треугольные микролиты, пластинки с притупленным краем, пластинки с ретушью, микродолотовидное орудие). Также представлены скребки, остроконечник с базальной выемкой, долотовидные орудия, пластины с ретушью, резцы, проколки, шиповидные орудия, отщепы с ретушью.

Индустрия культуросодержащего слоя 1 немногочисленна и рассматривается нами как смешанный материал, объединяющий в себе как палеолитические артефакты, так и предметы более позднего времени.

4.4 Сопоставление каменных индустрий стоянки Додекатым-2. В целом для первичного расщепления на стоянке Додекатым-2 характерно преобладание подпризматического и торцового скалывания, нацеленного преимущественно на получение мелких пластинок, использовавшихся в дальнейшем в качестве вкладышей для составных орудий. Призматический принцип расщепления эволюционирует от доминирования кареноидных нуклеусов для получения пластинок с изогнутым профилем в нижнем слое 5 к доминированию в вышележащих слоях одноплощадочных нуклеусов для снятия пластинчатых заготовок с прямым профилем. Индустрия стоянки имеет явный мелкопластинчатый характер. Фиксируется явная направленность на микролитизацию, поскольку значительное возрастание удельного веса пластинчатых сколов среди заготовок орудий напрямую связано с увеличением количества микроизделий (треугольные микролиты, пластинки с притупленным краем, пластинки с ретушью). О культурном родстве индустрий выделенных археологических слоев свидетельствует устойчивое присутствие специфических типов орудий. Учитывая результаты проведенного технико-типологического анализа, индустрии всех слоев памятника можно отнести к одной культурной традиции.

Пятая глава – «**Стоянка Шугноу**» – посвящена изложению и анализу данных, полученных при изучении верхнепалеолитических комплексов стоянки Шугноу.

5.1 Местонахождение и история изучения памятника. Стоянка Шугноу расположена севернее кишлака Шугноу, в районе плато Даштако, на участке 70-метровой плейстоценовой террасы, прослеживаемой у впадения р. Сафетдара в р. Яхсу (бассейн р. Пяндж, Таджикистан). Стоянка Шугноу была открыта в 1968 г. В.А. Рановым совместно с А.А. Никоновым. Длительное время Шугноу был одним из крайне

немногочисленных многослойных стратифицированных памятников верхнепалеолитической эпохи на территории Средней Азии, на основании изучения комплексов которых строились региональные культурно-хронологические схемы развития человеческих сообществ.

5.2 *Стратиграфия, планиграфия культурных слоев, палинология и фауна стоянки Шугноу.* Сводная стратиграфия памятника (по данным двух раскопов) снизу вверх выглядит следующим образом. Выше песчанисто-глинистых отложений констративного аллювия залегает пачка аллювиально-пролювиально-делювиальных отложений. В пачке прослежены культурные слои 4 и 3. Залегающая выше пачка делювиальных покровных отложений мощностью более 10 м сложена светлыми желтовато-серыми неслоистыми суглинками с включениями мелкой гальки и включает культурные слои 2, 1, 0, разделенные практически стерильными прослоями. В слое 4 были обнаружены кости *Bos* sp., *Bison*, *Capra* или *Ovis*. В слое 3 были найдены кости *Capra* или *Ovis*. В слое 2 выявлены кости *Equus caballus*, *Bos* sp., *Capra*, *Bison*, *Ovis*, *Marmota*. Из слоя 1 был получен самый богатый набор палеонтологического материала: *Equus caballus*, *Bos* sp., *Capra*, *Bison*, *Ovis*, *Marmota*, *Testudo*. В слое 0 обнаружены только кости *Marmota*, *Bos* sp. По данным спорово-пыльцевого анализа в аллювии (нижняя часть террасы) преобладает пыльца травянистых растений, свидетельствующих об аридном климате. Выше по разрезу при смене аллювиальных суглинков покровными лессовидными отложениями (содержащими основные археологические слои) доля пыльцы древесных растений увеличивается. Появление в долине реки березняков, ольховых зарослей вместе с тополями и ивами говорит о несомненном похолодании и увлажнении. Это похолодание связывается с верхнеплейстоценовым оледенением.

5.3 *Технико-типологическая характеристика археологических комплексов памятника Шугноу.*

В слое 4 было обнаружено 194 экз. каменных артефактов, среди которых отходы производства насчитывают 29 экз. Стратегии первичного расщепления в индустрии слоя были направлены на получение преимущественно пластинчатых заготовок с ядрищ плоскостного и объемного принципов расщепления. Категория нуклеусов включает 10 экз. типологически определимых ядрищ. Технические сколы в индустрии слоя 4 насчитывают 21 экз. Доминирующими в количественном отношении являются краевые сколы. Также выделены реберчатые пластины, полуреберчатая пластина, сколы подправки ударных площадок призматических нуклеусов, сколы подправок дуг скалывания плоскостных нуклеусов. Индустрия сколов представлена пластинами – 75 экз., пластинками – 6 экз., отщепами – 41 экз. и остроконечниками – 12 экз.

Орудийный набор комплекса насчитывает 3 экз.: пластины с ретушью и нож с обушком.

На сегодняшний день невозможно отдельно проанализировать каменные индустрии слоев 3 и 2, поскольку при перемещении материалов стоянки Шугноу в условиях гражданской войны в Таджикистане (1992–1997 гг.) содержимое ряда коллекционных ящиков было смешано, а часть регистрационно-коллекционной документации утрачена. Учитывая отмечавшийся В.А. Рановым близкий технико-типологический облик каменных комплексов слоев 3 и 2, мы считаем возможным рассмотреть их в совокупности. Однако стоит отметить, что статистические наблюдения, приводимые в данной работе, касаются в большей степени комплекса слоя 2, учитывая неравнозначное в количественном отношении наполнение ансамблей (согласно первичным подсчетам слой 2 был в разы более многочисленный, чем слой 3). Сводная коллекция слоев 3–2 составляет в настоящее время 3152 экз. Из этого количества 1107 экз. определены как отходы производства. К нуклевидным изделиям отнесено 67 изделий, из них 10 экз. являются нуклевидными обломками. Нуклеусы в индустрии демонстрируют призматическую, торцовую и плоскостную стратегии расщепления. Технические сколы в коллекции слоя насчитывают 157 экз. Наиболее многочисленными являются краевые сколы. Также в индустрии представлены реберчатые пластины, полуреберчатые сколы, сколы, оформляющие поверхности ударных площадок плоскостных и призматических нуклеусов, запыряющий скол, удаливший базальную часть призматического нуклеуса. Индустрия сколов включает пластины – 637 экз., пластинки – 264 экз., отщепы – 858 экз. и остроконечники – 62 экз. Орудийный набор комплекса насчитывает 89 экз. и включает: предметы микроинвентаря (пластинки с ретушью), скребки, долотовидное орудие, пластины с ретушью, остроконечники с ретушью на пластинах, скребла, остроконечники с ретушью, ассиметричные остроконечники с ретушью, орудие с подтеской, ножи с обушками, выемчатое орудие, зубчатые орудия и отщепы с ретушью.

Комплекс слоя 1 состоит из 2622 экз. каменных артефактов, 1082 экз. из которых были отнесены к отходам производства. Нуклевидные изделия насчитывают 78 изделий, которые включают 9 экз. нуклевидных обломков. Набор нуклеусов, соответственно, насчитывает 69 экз. ядрищ выполненных в торцовом, плоскостном и призматическом принципах расщепления. Технические сколы комплекса насчитывают 72 экз. Наиболее многочисленной категорией технологически распознаваемых сколов являются краевые. Также выделены полуреберчатые пластины, реберчатая пластина, сколы подправки дуг расщепления плоскостных нуклеусов, сколы подправки ударных площадок призматических нуклеусов, сколы латеральных подправок кареноидных нуклеусов.

Индустрия сколов культурного слоя 1 стоянки Шугноу включает 1390 экз. и состоит из пластин – 391 экз., пластинок – 379 экз., отщепов – 599 экз. и остроконечников – 21 экз. Орудийный набор комплекса насчитывает 48 экз. изделий. В данном комплексе наиболее ярким и выразительным компонентом в орудийной коллекции являются предметы микроинвентаря (треугольный микролит, пластинки с притупленным краем, пластинки с ретушью, микроострия с ретушью). Кроме того отмечены скребки, долотовидное орудие, пластины с ретушью, тронкированная пластина, скребло, нож с обушком, зубчатое орудие и отщепы с ретушью.

Коллекция слоя 0 состоит из 217 экз. каменных артефактов, 56 экз. из которых отнесены к отходам производства. Нуклевидный набор комплекса насчитывает 16 экз., из которых один предмет определен как нуклевидный обломок. Нуклеусы слоя 0 выполнены в призматическом, торцовом и плоскостном принципах расщепления. Технические сколы в индустрии слоя 0 составляют в сумме 13 экз.: краевые сколы, сколы подправки ударных площадок призматических и плоскостных нуклеусов. Индустрия сколов насчитывает 132 экз., из которых 5 экз. пластинок, 22 экз. пластин, и 105 экз. отщепов. Орудийный набор насчитывает 12 экз. В категории микроинвентаря выделено только одно орудие – острие с притупленным дистальным концом. Кроме того в орудийном наборе присутствуют скребки, пластина с ретушью и нож с обушком.

5.4 Сопоставление каменных индустрий стоянки Шугноу. Результаты исследования позволяют отнести индустрии всех культурных подразделений стоянки Шугноу к одной верхнепалеолитической культурной традиции. Нижний культурный слой (слой 4) стоянки демонстрирует преобладание нуклеусов плоскостного принципа расщепления, направленных на производство удлиненных заготовок. В свою очередь, в комплексе слоев 3–2 уже преобладают призматические нуклеусы моноплощадочных и кареноидных разновидностей, присутствует значительная доля торцовых нуклеусов для пластинок и пластин. При этом в слоях 3–2 значительно возрастает доля пластинок и сокращается доля пластин. В орудийном наборе преобладают скребки различных модификаций, пластинчатые сколы с ретушью, острия с ретушью. Для индустрии слоя 1 характерно максимальное развитие кареноидных технологий получения мелких пластинчатых заготовок с непрямым профилем. В целом для индустрии Шугноу отмечается увеличение доли нуклеусов для пластинок снизу вверх по разрезу (исключая малочисленную коллекцию слоя 0).

В шестой главе – «**Кульбулакская верхнепалеолитическая культура**» – выделяется и обосновывается кульбулакская

верхнепалеолитическая культура на территории Западного Памиро-Тянь-Шаня.

6.1 Корреляция верхнепалеолитических комплексов стоянок Кульбулак, Кызыл-Алма-2, Додекатым-2 и Шугноу. В результате проведенных исследований было зафиксировано, что каменные индустрии комплексов памятников Западного Памиро-Тянь-Шаня (Кульбулак (слои 2.1, 2.2), Кызыл-Алма-2, Додекатым-2 (слои 5–2) и Шугноу (слои 4–1)) демонстрируют множество общих черт.

Самим ярким элементом изученных комплексов является кареноидная технология. Среди кареноидных изделий выделено три типа ядрищ: на отдельностях сырья, на сколах поперечной и продольной ориентации. На основе атрибутивного анализа этих изделий удалось восстановить основные этапы утилизации нуклеусов данной типологической принадлежности: выбор заготовки, оформление ударной площадки, инициация расщепления, поджигание в процессе редукции, прекращение расщепления. Результаты наблюдений, показали, что кареноидные нуклеусы всех типов в исследуемых индустриях принадлежат к одной технологической схеме. Ограниченное количество вариантов ядрищ и их подправок в комплексах свидетельствует как о технологическом единстве изученных ансамблей, так и о том, что единая кареноидная технология в рассматриваемых комплексах предстает перед нами в уже сложившемся виде с устоявшимися техническими приемами.

Кроме кареноидной технологии комплексы стоянок Кульбулак (слои 2.1, 2.2), Кызыл-Алма-2, Додекатым-2 (слои 5–2) и Шугноу (слои 4–1) содержат значительное количество как общих, так и различных характеристик.

Наиболее территориально близко расположенным к Кульбулаку верхнепалеолитическим памятником является Кызыл-Алма-2. Большую степень сходства с комплексом Кызы-Алмы-2 проявляет ассамбляж слоя 2.2 стоянки Кульбулак. В индустриях обоих памятников применялись идентичные приемы первичного расщепления, а именно, утилизации подвергались плоскостные однонаправленные и бинаправленные ядрища параллельного способа снятий, торцовые нуклеусы для пластинчатых снятий, в том числе и клиновидных разновидностей, ядрища призматической системы раскалывания как одно, так и двухплощадочные. При корреляции орудийных наборов также обнаруживаются общие черты: превалирование различных типов скребков в орудийном наборе, многочисленность концевых и боковых форм, присутствие вентральных и двойных альтернативных скребков, значительное присутствие долотовидных форм в обоих ассамбляжах. Таким образом, учитывая технологическое и технико-типологическое сходство, проявляемое индустриями памятников Кульбулак (слой 2.2) и Кызыл-Алма-2, можно

сделать заключение о принадлежности этих комплексов к единой культуре, причем обе индустрии, вероятно, отражают одну стадию развития и могут быть более-менее синхронны.

Нижний культурный слой 5 стоянки Додекатым-2, несмотря на свою малочисленность, обладает яркими чертами, которые позволяют сопоставить его с комплексом слоя 2.1 стоянки Кульбулак. Первая и самая заметная черта индустрии слоя 5 – превалирование кареноидных нуклеусов в первичном расщеплении. Высокая доля данных ядрищ, значительная доля пластинок с изогнутыми профилями, состав микроинвентаря соотносится с характеристиками индустрии слоя 2.1 стоянки Кульбулак. В орудийном наборе обоих комплексов следует отметить наличие концевых скребков, в том числе и вариантов с вентральной локализацией лезвий и вариантов с шипами, пластинок с ретушью и пластинок с притупленным краем.

Нельзя не отметить значительное сходство комплекса слоя 5 стоянки Додекатым-2 и индустрии слоя 1 стоянки Шугноу (доминирование кареноидной технологии, большое количество пластинок с непрямым профилем, наличие аналогичных элементов микроинвентаря в орудийных наборах, присутствие вентральных вариантов скребков). Существенное сходство между комплексами в первичном расщеплении (прежде всего состав призматических и торцовых ядрищ), наборе сколов (значительная доля пластинок с непрямыми профилями) и орудийном наборе (общие изделия из категории микроинвентаря, специфичные варианты скребков) позволяют отнести комплексы слоя 2.1 стоянки Кульбулак, слоя 5 стоянки Додекатым-2 и слоя 1 стоянки Шугноу к одной культуре.

Вышележащие культурные слои стоянки Додекатым-2, несомненно, продолжают развитие индустрии слоя 5, и соответственно, принадлежат к той же культуре, что и комплексы слоя 2 стоянки Кульбулак, только демонстрируют более поздние этапы ее развития. Основным трендом развития индустрий слоев 4–2 является постепенный отказ от утилизации кареноидных нуклеусов для производства пластинок с непрямым профилем и замещение их моноплощадочными призматическими нуклеусами для производства пластинок с прямым профилем. При этом кареноидные изделия еще присутствуют в коллекциях в единичных экземплярах. Происходит значительное увеличение доли микроинвентаря в орудийном наборе и расширение его номенклатуры. Прежде всего, увеличивается доля пластинок с притупленным краем и треугольных микролитов.

Индустрии слоев 4–2 Додекатыма-2 с одной стороны являются результатом эволюционного развития комплекса слоя 5 этой же стоянки, а с другой стороны в них прослеживается множество общих черт с индустрией слоя 2.1 стоянки Кульбулак и с комплексом слоя 1 стоянки

Шугноу. Наибольший интерес, в контексте сопоставления индустрий, представляет обнаружение в слое 2.1 Кульбулака и в слое 1 Шугноу треугольных микролитов, по технике изготовления и морфологии абсолютно идентичных треугольным микролитам из индустрии Додекатим-2. В орудийных наборах отмечаются типологически идентичные специфичные виды орудий: пластинки с притупленным краем, микроострия, ортогональные долотовидные орудия, концевые микроскребки, микродолотовидные орудия, вентральные скребки, варианты скребков с шипами.

Судя по параметрам первичного расщепления и вторичной обработки, индустрии нижних слоев (4–2) Шугноу более всего соответствуют комплексу слоя 2.2 Кульбулака. При этом доминирование плоскостного расщепления и присутствие призматических ядрищ в слое 2.2 Кульбулака более всего соответствует параметрам слоя 4 Шугноу, а наличие кареноидных и торцовых форм сближает с индустрией слоев 3–2. Также эти комплексы сближает немногочисленные, но яркие предметы микроинвентаря. Однако доля кареноидных изделий в коллекции слоя 2.2 стоянки Кульбулак значительно уступает доле таких ядрищ на стоянке Шугноу, что может выступать аргументом в пользу условно промежуточного положения комплекса Кульбулака (между слоем 4 и слоями 3–2 Шугноу).

Значение типологически выраженных параметров индустрии слоя 1 стоянки Шугноу, в целом, сопоставимо с таковыми в комплексе слоя 2.1 стоянки Кульбулак. Прежде всего, заметно преобладание кареноидной технологии в первичном расщеплении обоих памятников. Правда, стоит отметить, что значение кареноидной технологии (как количество нуклеусов, так и пластинок с непрямым профилем) в слое 1 стоянки Шугноу гораздо больше, чем на Кульбулаке. Среди призматических нуклеусов заметно присутствие в индустриях обеих стоянок двухплощадочных ядрищ, на которых расщепление с каждой площадки велось в различных секторах фронта. Что касается орудийного набора, то фиксируется присутствие в индустриях обоих памятников типологически значимых категорий: пластинки с притупленным краем, вентральные скребки и микроострия, аналогичные остриям арженех. Отдельно стоит отметить единичное присутствие в индустриях обоих памятников треугольных микролитов. Среди значимых типологических отличий стоит упомянуть отсутствие пластинок дюфур в комплексе слоя 1 Шугноу, наличие которых было зафиксировано в коллекции слоя 2.1 Кульбулака. Кроме того, процентное соотношение микроинвентаря в орудийном наборе слоя 1 стоянки Шугноу заметно превышает таковое в коллекции слоя 2.1 стоянки Кульбулак.

6.2 *Кульбулакская культура в верхнем палеолите Западного Памиро-Тянь-Шаня.* На основании выявленного значительного технологического и технико-типологического сходства в первичном расщеплении, составе орудий и вторичной обработке каменных изделий верхнепалеолитических индустрий стоянок Кульбулак, Кызыл-Алма-2, Додекатым-2 и Шугноу была определена их принадлежность к одной верхнепалеолитической культуре, которую предлагается назвать по наименованию памятника с самым обширным и представительным инвентарем «кульбулакской». Кульбулакская культура демонстрирует развитие в регионе мелкопластинчатой техники с самобытным микролитическим комплексом, включающим изделия с притупленной спинкой и треугольные микролиты.

В соответствии с принятыми критериями для выделения палеолитической археологической культуры необходимо подчеркнуть сходство комплексов кульбулакской культуры на уровне первичного расщепления. Отмечается ориентированность расщепления на мелкопластинчатое скалывание, осуществляемое в рамках трех основных схем: кареноидное расщепление, торцовое (торцово-клиновидное) и призматическое моноплощадочное. На разных этапах существования культуры доля данных схем направленно изменяется. При этом кареноидная технология является наиболее яркой и типичной для кульбулакской культуры. В орудийных наборах комплексов кульбулакской культуры присутствуют специфичные типы орудий: вентральные скребки, скребки с шипом, ортогональные и микро- долотовидные орудия, пластинки с притупленным краем, микроострия (типа арженех), треугольные микролиты.

На основании изучения стратиграфического положения комплексов, их технико-типологических характеристик и имеющихся в наличии абсолютных датировок, к раннему этапу формирования данной культуры отнесены следующие индустрии: Кызыл-Алма-2, слой 2.2 Кульбулака, слои 4–2 Шугноу; к развитому этапу – слой 2.1 Кульбулака, слой 1 Шугноу и слой 5 Додекатыма-2; а к заключительному этапу – слои 4–2 стоянки Додекатым-2.

Ранний этап кульбулакской культуры (Кызыл-Алма-2, слой 2.2 Кульбулака, слои 4–2 Шугноу) характеризуется преобладанием плоскостного моно- и биполярного параллельного расщепления. Однако в этих комплексах присутствуют (и их доля возрастает) призматические и торцовые ядрища, ориентированные на производство пластин и пластинок. Отмечается либо полное отсутствие (Шугноу, слой 4), либо незначительное присутствие (Кызыл-Алма-2, Кульбулак, слой 2.2, Шугноу, слои 3, 2) кареноидных нуклеусов для получения пластинок с непрямым профилем. В орудийных наборах преобладают скребки различных модификаций, в основном концевые, присутствуют

вентральные либо альтернативные варианты скребков, преимущественно продольные скребла, остроконечники с ретушью, долотовидные орудия, единичные изделия из категории микроинвентаря (пластинки с ретушью и дюфур). Комплекс слоев 3–2 стоянки Шугноу можно назвать финальным для раннего этапа кульбулакской культуры, поскольку он содержит уже довольно значительное количество кареноидных изделий, пластинок с непрямым профилем и яркие предметы микроинвентаря. Учитывая OSL-датировку слоя 2 стоянки Кульбулак, данный этап может быть датирован в пределах 35–30 тыс. л.н. (некалиброванный возраст).

Развитый этап кульбулакской культуры (слой 2.1 Кульбулака, слой 1 Шугноу и слой 5 Додекатыма-2) характеризуется преобладанием призматического раскалывания для получения пластинчатых и мелкопластинчатых заготовок. При этом среди призматических ядрищ ведущую роль играют нуклеусы кареноидного облика для производства пластинок с непрямым профилем. Кареноидные ядрища утилизировались в рамках одной технологической схемы. Пластинки, в т.ч. и с непрямым профилем, составляют значительную долю индустрии сколов. Торцовые нуклеусы также в основном ориентированы на производство пластинок. Отмечается присутствие призматических биплощадочных ядрищ для получения пластинчатых заготовок. При этом в орудийных наборах возрастает роль отщепных заготовок для производства формальных орудий. Доминируют скребки различных модификаций, отмечаются вентральные варианты скребков, различные модификации скребков с шипами, в некоторых комплексах содержится значительное количество долотовидных орудий. Возрастает доля микроинвентаря, в котором основную роль играют пластинки с ретушью, а также пластинки дюфур; представлены пластинки с притупленным краем, микроострия (типа арженех) и единичные треугольные микролиты. Индустрия слоя 2.1 стоянки Кульбулак рассматривается как наиболее ранняя для данного этапа, поскольку содержит меньше в количественном отношении кареноидные изделия, пластинки с изогнутым профилем и предметы микроинвентаря. Учитывая имеющиеся радиоуглеродные датировки, возраст (некалиброванный) данного этапа определяется как превышающий 23 тыс. л.н., предположительно от 30 до 25 тыс. л.н.

Заключительный этап кульбулакской культуры (слои 4–2 стоянки Додекатым-2) характеризует постепенное эволюционное развитие в индустрию, для которой характерно значительное развитие призматического монополярного расщепления и распространение в орудийных наборах изделий с притупленной спинкой и треугольных микролитов. Кареноидные нуклеусы, предназначенные для производства пластинок с непрямым профилем, замещаются призматическими моноплощадочными ядрищами для производства пластинок с прямым

профилем, которые становятся доминирующими в нуклеарных наборах. Вероятно, это связано с производством треугольных микролитов, для которых в большинстве случаев использовались мелкопластинчатые заготовки с прямым профилем. В каменных индустриях кареноидные элементы отмечаются в незначительном количестве. Среди пластинок значительна доля сколов с непрямым профилем, однако она уменьшается. В орудийном наборе продолжают доминировать скребки, в том числе вентральные и варианты с шипом; и долотовидные орудия, в том числе ортогональные. Однако ведущую роль в комплексе начинает играть микроинвентарь, основными элементами которого являются треугольные микролиты, пластинки с притупленным краем и микроострия с ретушью (типа арженех). Следует отметить, что сами по себе все характерные черты, присутствующие в комплексах заключительного этапа, были зафиксированы в индустриях и более ранних периодов, речь идет о значительном смещении приоритетов, как в скалывании, так и в орудийном наборе. Для начала данного этапа имеются датировки в 21–23 тыс. л.н. (некалиброванный возраст), окончание же его возможно связывать со временем значительно позднее 20 тыс. л.н., вплоть до перехода к мезолиту.

Таким образом, впервые для территории Западного Памиро-Тянь-Шаня выделяется существование единой верхнепалеолитической культуры, хронологические рамки существования которой определяются, с одной стороны, наиболее ранней имеющейся на настоящий момент для региона датировкой верхнепалеолитических комплексов (стоянка Кульбулак) в 39 ± 4 тыс. л.н. (календарный возраст), а с другой стороны, датой для раннемезолитических комплексов стоянки Ошхона (Памир) в 10867 ± 203 л.н. (калиброванный CalPal).

6.3 Корреляция комплексов кульбулакской культуры с индустриями сопредельных территорий.

В результате проведенных широких корреляций индустрий кульбулакской культуры с комплексами сопредельных территорий следует заключить, что на территории Средней Азии, Казахстана и Северного Афганистана можно сейчас выделить ряд верхнепалеолитических индустрий (Самаркандская стоянка (Узбекистан), Харкуш (Таджикистан), Майбулак, стоянка им. Ч. Валиханова (Казахстан), Кара-Камар (Афганистан), содержащих схожие технико-типологические элементы (прежде всего, кареноидная технология и специфические формы орудийного набора), позволяющие сопоставлять их с комплексами кульбулакской культуры.

Комплексы стоянок Харкуш и Самаркандская демонстрируют характеристики (значительная роль мелкопластинчатого компонента, преобладание призматического расщепления с наличием кареноидных

изделий, наличие торцовых нуклеусов для пластинок, в том числе клиновидных вариантов, изделий, присутствие общих типов орудий), позволяющие их напрямую сопоставлять с комплексами кульбулакской культуры и предполагать их возможное включение в круг ее индустрий. Значительное сходство кульбулакских ансамблей, прослеженное с комплексами стоянок Майбулак, им. Ч. Валиханова, коллекцией слоя 3 стоянки Кара-Камар также позволяет говорить о близости данных ансамблей к кульбулакской культуре, но с осторожным прогнозом о включении их в ареал выделяемой нами культуры.

Таким образом, проведенные корреляции с комплексами сопредельных территорий позволяют сделать вывод, что в западной части Центральной Азии в начале и на среднем этапе верхнего палеолита существовал единый тренд развития, выраженный в распространении мелкопластинчатых индустрий с присутствием кареноидных технологий. Наблюдаемые в настоящий момент различия между комплексами отдельных памятников могут означать либо функционально-адаптивные особенности этих стоянок, либо отражать более дробные этапы в развитии культуры верхнего палеолита.

Что касается поиска культурных аналогий с древними популяциями, населявшими Северо-Восточную Азию, то в первую очередь необходимо рассмотреть ключевые верхнепалеолитические комплексы Алтая. Определенные параллели индустриям кульбулакской культуры можно проследить в ансамблях стоянок Усть-Каракол-1 и Ануй-2, содержащих заметный кареноидный компонент и некоторые категории орудий ориньякского технокомплекса. Если анализировать значение кареноидности в алтайских памятниках, то стоит отметить, что он количественно менее представлен, чем в индустриях Западного Памиро-Тянь-Шаня. Также стоит отметить, что наблюдаются заметные технологические различия между кареноидными изделиями Алтая и (Западного?) Памиро-Тянь-Шаня, проявляющиеся в способах подготовки, подработки и утилизации кареноидных нуклеусов. Таким образом, можно заключить, что на территориях Алтая и Западного Памиро-Тянь-Шаня использовались различные кареноидные техники для получения пластинок с непрямым профилем. Однако и в орудийном наборе отмечаются значимые различия: в частности, в алтайских памятниках (Усть-Каракол-1) содержится несколько экземпляров классических ориньякских пластин, которые отсутствуют в кульбулакских комплексах. Но самое главное – результаты многолетних исследований алтайских палеолитических индустрий, доказывают исключительно локальное и самостоятельное происхождение верхнего палеолита на территории Алтая. «Появление на Алтае 45–38 тыс. л.н. кареноидных и некоторых других форм каменных изделий, близких по типу к ориньякским – результат развития местной

индустрии, и никаких следов миграции с запада на Алтай или с Алтая на запад не прослеживается» [Деревянко, 2009, с. 48]. В связи с этим, объяснение сходства кульбулакских комплексов с алтайскими в контексте конвергентного развития выглядит более чем обоснованным.

Расширяя географические рамки культурно-технологических аналогий, стоит отметить значительное сходство индустрий кульбулакской культуры с верхнепалеолитическими культурами Ближнего и Среднего Востока: ахмариан, левантийский ориньяк, барадостиен, ростомиен, масракан, зарзиен.

Наиболее известные памятники ахмарийской культуры обнаружены в Леванте. Помимо Ближнего Востока в ареал ахмариана входит и территория Кавказа, где были обнаружены раннеахмарийские комплексы [Otte, 2007; Golovanova, Dronichev, 2013]. В целом, существование ахмарийской культуры определено в хронологических рамках от 38 до 25 тыс. л.н. При этом, верхняя граница может быть продлена вплоть до 16 тыс. л.н., если рассматривать масраканскую культуру как продолжение ахмарийских традиций, т.е., как «поздний ахмариан» [Marks, 2003; Belfer-Cohen, Goring-Morris, 2003b; Аникович, Анисюткин, Вишняцкий, 2007]. Ранний этап ахмариана воспринимается большинством исследователей как наиболее ранняя верхнепалеолитическая индустрия Ближнего Востока. С ранними кульбулакскими комплексами ахмарийские индустрии роднит наличие биплощадочных призматических нуклеусов для пластин, торцово-клиновидных нуклеусов для пластинок, острий эль-вад (аналог острий арженех), а также раннее появление такого типа орудий как пластинки с притупленным краем. Кроме того отмечается, что в ахмарийских комплексах в незначительном количестве присутствуют и кареноидные изделия [Goring-Morris, Belfer-Cohen, 2006].

Левантийский ориньяк является одним из самых распространенных культурных подразделений на Ближнем Востоке. Большинство исследователей время существования данной культуры определяется в пределах от 36 до 27 тыс. л.н. Если же учитывать и атлитийские памятники, чье происхождение напрямую связывается с дальнейшим во времени развитием левантийского ориньяка, то верхняя граница отодвигается вплоть до 17 тыс. л.н. [Belfer-Cohen, Bar-Yosef, 1999; Marks, 2003]. Значительные аналогии левантийскому ориньяку можно найти в индустриях развитого этапа кульбулакской культуры; сходство прослеживается как в общих приемах первичного расщепления (кареноидная технология, значительная доля нуклеусов для отщепов), так и в составе орудийного набора (пластинки дюфур, острия эль-вад, значительная доля орудий на отщепах). Стоит, однако, отметить, что нельзя говорить о полном тождестве индустрий. В комплексах кульбулакской культуры содержатся далеко не все элементы,

свойственные технокомплексу левантийского ориньяка. Например, отсутствуют специфические костяные изделия, пластины с перехватом и резцы бюске.

До последнего времени самым восточным форпостом распространения ориньякских комплексов являлась территория Загроса, где была выделена верхнепалеолитическая барадостская культура (также названная загросским ориньяком). Исследователи предполагают время существования барадостской культуры в хронологическом интервале от 36 до 24 тыс. л.н. [Otte, Shidrang, Zwyns et al. 2011]. Ранние (ахмарийского типа) и поздние (ориньякского типа) комплексы барадостской культуры коррелируются с индустриями как раннего, так и развитого этапа кульбулакской культуры, соответственно. Общие черты прослеживаются как на уровне первичного расщепления (увеличение в индустриях доли кареноидных нуклеусов, типологическая схожесть кареноидных нуклеусов, фиксируемое уменьшение размера получаемых мелкопластинчатых заготовок снизу вверх по разрезам памятников культур, наличие двухплощадочных призматических нуклеусов для пластинок), так и на уровне орудийных наборов (присутствие пластинок дюфур, острий с ретушью). Кроме того, в коллекциях загросского ориньяка также отмечается хронологически раннее появление пластинок с притупленным краем [Otte, Shidrang, Zwyns et al. 2011]. Схожие наблюдения можно сделать и по отношению к ростамийской культуре (Иран) [Conard, Ghasidian, 2011], которая, по сути, мало чем отличается от барадостской культуры.

На наш взгляд, достаточно очевидно значительное сходство комплексов развитого этапа кульбулакской культуры с материалами ориньякоидных индустрий Ближнего и Среднего Востока. Соответственно, встает вопрос о возможной принадлежности развитых кульбулакских индустрии к ареалу данного технокомплекса. Как показали результаты проведенного нами анализа, из базовых (общих для всех перечисленных индустрий) компонентов, в индустриях кульбулакской культуры лишь применение кареноидной технологии является достаточно презентативным, как в количественном, так и в качественном отношении. Основные ориньякские орудийные типы представлены лишь в минимальных количествах, а некоторые значимые составляющие этого технокомплекса, такие как ориньякские пластины, костяная индустрия и украшения, отсутствуют полностью. В то время как отсутствие, например, костяных изделий или украшений можно было бы объяснять особенностью сохранности костного материала в Средней Азии, заметное отличие выявляется в устойчивом присутствии в кульбулакских индустриях типологически выраженных орудий, не свойственных классическому ориньяку (прежде всего, пластинки с притупленным краем). Таким

образом, очевидно, что индустрии развитого этапа кульбулакской культуры нельзя причислять к ориньяку *sensu stricto*, но их формирование прошло в общем тренде эволюции ориньякоидных технокомплексов Ближнего и Среднего Востока.

Барадостскую культуру в Загросе сменяет зарзийская. В настоящее время исследователи говорят о возможности выделения раннего и позднего зарзиана. Раннезарзийские комплексы характеризуются доминированием пластинок с притупленным краем и присутствием треугольных микролитов. В позднезарзийских орудийных ансамблях к пластинкам с притупленным краем и треугольным микролитам добавляются сегменты и прямоугольники [Smith, 1986; Olszewski, 1993b; Wahida, 1999]. Исходя из косвенных данных, исследователи данной культуры датируют ее в хронологическом диапазоне от 20 до 10 тыс. л.н. Если рассматривать зарзийский технокомплекс в целом, то наибольшее соответствие ему можно увидеть в индустриях заключительного этапа кульбулакской культуры. Учитывая полное отсутствие прямоугольных микролитов в орудийных наборах индустрий заключительного этапа кульбулакской культуры, а также их датировки, более ранние по сравнению с позднезарзийскими, более корректно будет говорить об их сопоставлении с комплексами раннего зарзиана. При отсутствии абсолютных датировок для ранних зарзийских стоянок, на настоящий момент нельзя исключать более ранний возраст кульбулакских комплексов, что в свою очередь может предполагать и обратный вектор культурного воздействия, то есть возможность влияния кульбулакских индустрий на становление зарзийской культуры.

Близкие зарзийским индустриям финальноверхнепалеолитические материалы отмечены и на территории Леванта. Речь идет, прежде всего, о памятниках относящихся к масраканской культуре (23–16 тыс. л.н.). Происхождение комплексов масраканской культуры напрямую связывается с последовательным развитием ахмарийской культуры, но подчеркивается значительная технико-типологическая разница между комплексами данных культурных подразделений [Marks, 2003]. Масраканские памятники возможно сравнивать с комплексами заключительного этапа кульбулакской культуры. Значительную долю сходства проявляют как кареноидные и пирамидальные нуклеусы, так и некоторые категории орудийного набора. Прежде всего, речь идет о треугольных микролитах. Додекатымские треугольные микролиты практически аналогичны масраканским прототреугольникам.

Как показал приведенный обзор, на каждом этапе своего существования комплексы кульбулакской культуры проявляют значительное сходство с относительно синхронными индустриями Ближнего и Среднего Востока. На раннем этапе выявлено определенное

сходство с ахмарийской культурой, на среднем – с комплексами левантийского и загросского ориньяка, и с комплексами ростамийской культуры, на заключительном – с памятниками масраканской и зарзийской культур. Значительное сходство каменных ансамблей, проявляемое индустриями кульбулакской культуры с левантийскими и загросскими комплексами верхнего палеолита, свидетельствует, на наш взгляд, не о конвергентной траектории развития, а о регулярно повторяющихся эпизодах межкультурного взаимодействия. Учитывая значительный, на наш взгляд, региональный компонент в складывании верхнего палеолита западного Памиро-Тянь-Шаня, речь, вероятно, не идет о разовых крупных миграциях, вызвавших смену культуры; скорее большее значение имело регулярно повторяющееся взаимодействие различных популяций на границах заселенных регионов, выражавшееся, в числе прочего, в обмене технологическими решениями и инновациями и их дальнейшим применением в региональном культурном субстрате. Данное предположение отражает новое видение популяционной динамики в эпоху верхнего палеолита на территории как Западного Памиро-Тянь-Шаня, так и Средней Азии в целом и находится в русле коренных изменений восприятия происхождения человека и его культуры, вызванных новейшими открытиями в области палеоантропологии и палеогенетики [Prüfer et al., 2013]. В настоящее время на смену древовидной (ветвящейся) эволюционной модели, (сменившей в свое время линейную схему) приходит модель, получившая пока только английское название «braided stream» (переплетенный поток) [Finlayson, 2013; Hawks, 2013], объясняющая происхождение современного человечества постоянным интербридингом множества эволюционно различных популяций, что и обеспечило необходимый для возникновения в различных регионах Старого Света современного человечества уровень генообмена. Аналогом данной эволюционной гипотезы является предлагаемая нами модель регулярного и разнонаправленного межкультурного взаимодействия, объясняющая динамику культурных изменений в каменном веке западной части Центральной Азии, в результате чего в значительной части Евразии (Ближний и Средний Восток, Кавказ, Средняя Азия, Европа) возникли схожие «ориньякоидные» технокомплексы.

6.4 Генезис комплексов кульбулакской культуры. В постепенном развитии региональных финально-среднепалеолитических и переходных пластинчатых индустрий, представленных в материалах стоянок Худжи (Таджикистан), Оби-Рахмат (Узбекистан) и Кульбулак (слой 23, раскопки 2007–2010 гг.) [Ранов, Амосова, 1984; Деревянко, Кривошапкин, Анойкин и др., 2001; Кривошапкин, 2012] рассматривается и основной (фоновый) источник появления кульбулакской культуры. Проведенные в последние годы исследования показали большую степень сходства в технико-

типологическом аспекте между артефактными наборами данных памятников, позволяющую рассматривать их в рамках единой обирахматской культурной традиции [Кривошапкин, 2012]. Обирахматские индустрии направлены на получение пластинчатых и острийных заготовок с плоскостных и подпризматических нуклеусов; прослеживается значительная доля пластинчатых заготовок, получаемых с торцовых и подпризматических ядрищ; самое главное для настоящего исследования – в обирахматских комплексах отмечается заметная роль варибельного мелкопластинчатого производства. Одним из использовавшихся вариантов является технология получения мелкопластинчатых заготовок с непрямым профилем, аналогичная по своим типологическим характеристикам кареноидным технологиям. В переходных от среднего к верхнему палеолиту комплексах использовался более широкий ассортимент технических приемов, чем зафиксированный в рамках комплексов кульбулакской культуры. Данное обстоятельство свидетельствует о поиске оптимальной стратегии расщепления в переходных комплексах (что свойственно начальным этапам существования какой-либо технологической инновации), в то время как в верхнепалеолитических индустриях использовался уже ограниченный (наиболее эффективный и технологичный) набор технических приемов. В настоящий момент гипотеза о формировании кареноидной технологии региона в рамках комплексов Оби-Рахмата, Кульбулака (слой 23) и стоянки Худжи выглядит наиболее обоснованной, поскольку на сопредельных территориях неизвестны другие переходные от среднего к верхнему палеолиту комплексы, которые содержали бы развитый мелкопластинчатый компонент, и кареноидную технологию в частности. Из данного заключения не следует, что кульбулакская культура развивалась исключительно автохтонно, без какого либо влияния извне. Как было продемонстрировано при корреляции с комплексами сопредельных территорий, развитие кульбулакской культуры шло в общем тренде с средне- и ближневосточными верхнепалеолитическими индустриями. Для обирахматской культурной традиции отмечался общий постепенный, достаточно медленный поступательный характер развития на протяжении около 40 тысяч лет [Кривошапкин, 2012]. На этом фоне достаточно быстрое становление и развитие кульбулакских комплексов выглядит контрастно. Подобные процессы кажутся невозможными без внешних культурных и технологических импульсов, которые задают вектор и скорость эволюции палеолитических сообществ. Данный импульс (впоследствии неоднократно повторенный) был получен, по нашему мнению, с территории Ближнего и Среднего Востока, вовлекая палеолитические комплексы изучаемых нами территорий в круг ориньякоидных культур Евразии.

В **заключении** подведены основные итоги исследования и сформулированы обобщающие выводы.

Исследования последних лет верхнепалеолитических комплексов Западной части Центральной Азии позволили не только уточнить характеристики верхнепалеолитических комплексов отдельных стоянок, но и пересмотреть общие положения, касающиеся верхнего палеолита региона.

Вместо преобладавшего ранее понимания верхнепалеолитической эпохи в Средней Азии как своего рода периферийного застоя, выраженного в долгом «переживании» мустьерских черт, для территории Западного Памиро-Тянь-Шаня предлагается выделение верхнепалеолитической культуры, названной кульбулакской. Данная культура демонстрирует развитие в регионе мелкопластинчатой технологии для производства самобытного микролитического орудейного набора. На основании изучения стратиграфического положения комплексов, их технико-типологических характеристик и имеющихся в наличии абсолютных датировок были выделены ранний, развитый и заключительный этапы культуры. Хронологические рамки существования кульбулакской культуры определяются, с одной стороны, наиболее ранней имеющейся на настоящий момент для региона датировкой верхнепалеолитических комплексов (стоянка Кульбулак) в 39 ± 4 тыс. л.н. (календарный возраст), а с другой стороны, датой для раннемезолитических комплексов стоянки Ошхона (Памир) в 10867 ± 203 л.н. (калиброванный CalPal).

На каждом этапе своего существования комплексы кульбулакской культуры проявляют значительное сходство с синхронными индустриями Ближнего и Среднего Востока. На раннем этапе выявлено определенное сходство с ахмарийской культурой, на среднем – с комплексами левантйского и загросского ориньяка, и с комплексами ростамийской культуры, на заключительном – с памятниками масраканской и зарзийской культур.

Очевидно, что индустрии развитого этапа кульбулакской культуры развивались в общем ориньякоидном тренде формирования и эволюции верхнепалеолитических технокомплексов Ближнего и Среднего Востока, однако наличие важных индивидуальных характеристик не позволяет относить кульбулакскую культуру к ориньякскому технокомплексу *sensu stricto*. Учитывая значительный, на наш взгляд, региональный компонент в складывании верхнего палеолита западного Памиро-Тянь-Шаня, нами предлагается модель, объясняющая развитие человеческих сообществ в верхнепалеолитическую эпоху не столько в рамках противопоставления миграционно-замещающих и автохтонных вариантов, а в контексте повторяющихся межпопуляционных взаимодействий на границах

заселенных регионов и обмена инновационными технологическими решениями с последующим их применением (адаптацией) в региональном культурном субстрате. В результате данного процесса в значительной части Евразии (Ближний и Средний Восток, Кавказ, Средняя Азия, Европа) сформировались самобытные культуры, развивавшиеся, тем не менее, в общем «ориньякоидном» направлении.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях (общий авторский вклад 32,81 п.л.)

Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки:

1. Рыбин Е.П., **Колобова К.А.** Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 20 – 34. (1,5 п.л. ; авторский вклад – 0,75 п.л.)
2. Кривошапкин А.И., **Колобова К.А.**, Харевич В.М. Индустрия стоянки Додекатым-2 (Узбекистан): новые данные по верхнему палеолиту региона // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: история, филология. – 2009. – Т. 8. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 74–97. (1,5 п.л.; авторский вклад – 0,75 п.л.)
3. **Колобова К.А.**, Павленок К.К., Фляс Д., Кривошапкин А.И. Стоянка Кызыл-Алма-2 – новый памятник эпохи верхнего палеолита Западного Тянь-Шаня // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: история, филология. – 2010. – Т. 9. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 111–123. (1 п.л.; авторский вклад – 0,4 п.л.)
4. **Колобова К.А.**, Павленок К.К., Фляс Д., Кривошапкин А.И. Технология первичного расщепления камня в индустрии стоянки Кызыл-Алма-2 // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 4. – С. 3–8. (0,5 п.л.; авторский вклад – 0,2 п.л.)
5. **Колобова К.А.**, Кривошапкин А.И., Дервянко А.П., Исламов У.И. Верхнепалеолитическая стоянка Додекатым-2 (Узбекистан) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 4. – С. 2–21. (1,5 п.л.; авторский вклад – 0,75 п.л.)
6. **Колобова К.А.**, Кривошапкин А.И., Павленок К.К., Исламов У.И. Виды модификации сколов в палеолитических индустриях Центральной Азии // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: история, филология. – 2011. – Т. 10. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 117–131. (1 п.л.; авторский вклад – 0,4 п.л.)
7. Кривошапкин А.И., Брантингхэм П.Дж., **Колобова К.А.** Значение качества каменного сырья при использовании формализованных стратегий

расщепления в палеолите Северо-Восточной Азии // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 3. – С. 3–6. (0,5 п.л.; авторский вклад – 0,2 п.л.)

8. Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Фляс Д., Павленок К.К., Исламов У.И. Кареноидные изделия палеолитической стоянки Кульбулак: опыт технико-типологической классификации // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: история, филология. – 2011. – Т. 10. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 87–99. (1 п.л.; авторский вклад – 0,4 п.л.)

9. Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Флас Д., Павленок К.К., Деревянко А.П., Исламов У.И. К вопросу о выделении фации зубчатого мустье на материалах памятников Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 1 (49). – С. 11–23. (1,5 п.л.; авторский вклад – 0,5 п.л.)

10. Павленок К.К., Колобова К.А., Павленок Г.Д. Верхний палеолит Северо-Западного Тянь-Шаня: технологический анализ материалов стоянки Кульбулак // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: история, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 62–73. (1 п.л.; авторский вклад – 0,5 п.л.)

11. Ранов В.А., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Верхнепалеолитические комплексы стоянки Шугноу (Таджикистан) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 2. – С. 2–24. (1,5 п.л.; авторский вклад – 1 п.л.)

12. Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Белоусова Н.Е., Исламов У.И. Ранние технологические инновации в палеолите Средней Азии: кареноидная технология в переходных индустриях Узбекистана // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: история, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 211–222. (1 п.л.; авторский вклад – 0,5 п.л.)

13. Колобова К.А., Флас Д., Деревянко А.П., Павленок К.К., Исламов У.И., Кривошапкин А.И. Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2. – С. 2 – 25(1,5 п.л.; авторский вклад – 0,75 п.л.)

14. Колобова К.А., Флас Д., Павленок К.К., Кривошапкин А.И., Шнайдер С.В. Верхний палеолит Западного Памиро-Тянь-Шаня (по материалам стоянки Кульбулак) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: история, филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 108–122. (1 п.л.; авторский вклад – 0,5 п.л.)

15. Колобова К.А., Шалагина А.В. Тронкированно-фасетированные изделия нижних слоев индустрии грота Оби-Рахмат (Узбекистан) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: история, филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 106–114. (1 п.л.; авторский вклад – 0,3 п.л.)

16. Павленок К.К., Шнайдер С.В., Павленок Г.Д., **Колобова К.А.** Палеолит Северо-Западного Тянь-Шаня в свете новейших открытий // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – №2. – С. 92–96. (0,5 п.л.; авторский вклад – 0,2 п.л.)

Монографии:

17. **Колобова К.А.** Приемы оформления каменных орудий в палеолитических индустриях Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – 135 с. (15,81 п.л.; авторский вклад 15,81 п.л.)

Публикации в научных журналах и сборниках научных трудов:

18. Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Славинский В.С., Анойкин А.А., Чикишева Т.А., Вринн П., Милютин К.И., **Колобова К.А.** Анализ каменной индустрии и антропологических находок из слоя 16 грота Оби-Рахмат (Республика Узбекистан) // Мат-лы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2003 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Т. 9. – Ч. 1. – С. 63–73 (0,3 п.л.; авторский вклад – 0,1 п.л.)

19. Славинский В.С. Цыбанков А.А., **Колобова К.А.** Основные методические приемы исследования памятников аридной зоны Центральной Азии с поверхностным залеганием артефактов // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – С. 93–97 (0,5 п.л.; авторский вклад – 0,2 п.л.)

20. Рыбин Е.П., **Колобова К.А.** Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – С. 380–395. (1,5 п.л.; авторский вклад – 0,75 п.л.)

21. Гладышев С.А., **Колобова К.А.**, Нохрина Т.И. Каменные орудия пещеры Чихэн // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: история, филология. – Т. 4. – Вып. 3: Археология и этнография, 2005. – С. 32–40. (0,5 п.л.; авторский вклад – 0,3 п.л.)

22. **Колобова К.А.** Динамика трансформации приемов ретуширования в палеолитических индустриях Центральной Азии // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии, 2006. – Т. 1 – С. 121–124. (0,4 п.л.; авторский вклад – 0,4 п.л.)

23. **Колобова К.А.**, Рыбин Е.П. Утилизационная ретушь, как фактор образования орудийных наборов в палеолитических индустриях Центральной Азии // Человек и пространство в культурах каменного века

Евразии. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. – С. 92–105. (1,5 п.л.; авторский вклад – 0,75 п.л.)

24. Кривошапкин А.И., Исламов У.И., **Колобова К.А.**, Милютин К.И., Мухаммадиев А.Г., Белоусова Н.Е. Предварительные итоги работы Международной археологической экспедиции по изучению каменного века Узбекистана в полевом сезоне 2006 года // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII. – Ч. I. – С. 162–167. (0,3 п.л.; авторский вклад – 0,1 п.л.)

25. Деревянко А.П., **Колобова К.А.**, Исламов У.И., Фляс Д., Павленок К.К. Новый верхнепалеолитический памятник в долине реки Ахангарон (Узбекистан) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2007 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. – Т. 13. – Ч. 1. – С. 80–83. (0,3 п.л.; авторский вклад – 0,1 п.л.)

26. **Колобова К.А.**, Славинский В.С., Цыбанков А.А. Орудийная коллекция начала верхнего палеолита памятника Орхон-7 (по материалам первого раскопа) // Северная Азия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2007. – С. 296–302. (0,5 п.л.; авторский вклад – 0,3 п.л.)

27. Деревянко А.П., **Колобова К.А.**, Фляс Д., Исламов У.И., Ков Н., Коуп Д., Звинц Н., Павленок К.К., Мамиров Т.Б., Крахмаль К.А., Мухтаров Г.А. Возобновление археологических работ на многослойной стоянке Кульбулак // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2007 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. – Т. 13. – Ч. 1. – С. 83–89. (0,3 п.л.; авторский вклад – 0,1 п.л.)

28. **Колобова К.А.**, Фляс Д., Исламов У.И., Павленок К.К., Звинц Н., Мухтаров Г.А. Каменная индустрия верхнего палеолита стоянки Кульбулак // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2008 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. Т. 14. – Ч. 1 – С. 77–81 (0,3 п.л.; авторский вклад – 0,1 п.л.)

29. Деревянко А.П., **Колобова К.А.**, Фляс Д., Кривошапкин А.И., Исламов У.И., Павленок К.К. Исследование стоянки Кульбулак в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2009 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и

этнографии СО РАН, 2009. – Т. 15. – Ч. 1. – С. 123–129. (0,3 п.л.; авторский вклад – 0,1 п.л.)

30. Колобова К.А., Фляс Д., Исламов У.И., Кривошапкин А.И., Павленок К.К. Первичное расщепление в верхнепалеолитической индустрии стоянки Кульбулак (Узбекистан) // Древнейшие миграции человека в Евразии: Мат-лы международного симпозиума. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2009. – С. 114–140 (1,5 п.л.; авторский вклад – 0,5 п.л.)

31. Деревянко А.П., Колобова К.А., Павленок К.К., Фляс Д., Лукьянова Г.Д., Исламов У.И., Мухтаров Г.А. Исследование стоянки Кульбулак в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 73–78. (0,3 п.л.; авторский вклад – 0,1 п.л.)

32. Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Фляс Д., Павленок К.К., Исламов У.И., Лукьянова Г.Д. Индустрия слоя 23 стоянки Кульбулак по материалам раскопок 2010 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 105–110. (0,3 п.л.; авторский вклад – 0,1 п.л.)

33. Колобова К.А., Фляс Д., Кривошапкин А.И., Павленок К.К. Новый этап исследования стоянки Кульбулак (по материалам раскопок 2009 г.) // Исследования первобытной археологии Евразии: Сб. статей к 60-летию члена корреспондента РАН, профессора Х.А. Амирханова / Отв. редактор и составитель О.М. Давудов. – Махачкала: Изд-во Наука ДНЦ, 2010. – С. 177–190. (1,1 п.л.; авторский вклад – 0,6 п.л.)

34. Кривошапкин А.И., Колобова К.А. Ранние проявления кареноидной технологии в индустриях грота Оби-Рахмат // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 58–61 (0,3 п.л.; авторский вклад – 0,1 п.л.)

35. Деревянко А.П., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Палеолит Центральной Азии: итоги нового этапа исследований // Мир Центральной Азии. – Т. 3. – Улан-Удэ – Иркутск: Оттиск, 2012. – С. 269–271. (0,5 п.л.; авторский вклад – 0,25 п.л.)

Публикации в зарубежных изданиях:

36. Славинский В.С., Кривошапкин А.И., Колобова К.А. Технический прием редуцирования ударной площадки в индустрии верхних слоев грота

Оби-Рахмат // История Евразии: истоки, преемственность и перспективы. (Материалы международных Бекмахановских чтений. 21–22 мая 2003г.). – Алматы, 2003. – С. 351–366 (1 п.л.; авторский вклад – 0,2 п.л.)

37. Деревянко А.П., Исламов У.И., **Колобова К.А.**, Фляс Д., Кривошапкин А.И., Лещинский С.В., Крахмаль К.А., Звинц Н., Павленок К.К., Мухтаров Г.А. Возобновление археологических работ на многослойной стоянке Кульбулак в 2007 г. // История материальной культуры Узбекистана. – 2008. – Вып. 36. – С. 24–37. (0,5 п.л.; авторский вклад – 0,2 п.л.)

38. Рыбин Е.П., **Колобова К.А.** Средний палеолит Алтая: вариабельность и эволюция. // Stratum plus, 2005–2009. – № 1. – 33–78. (1,5 п.л.; авторский вклад – 0,75 п.л.)

39. **Колобова К.А.**, Кривошапкин А.И., Деревянко А.П., Исламов У.И., Павленок К.К. Мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Средней Азии: стоянка Додекатым-2 (Узбекистан) // Stratum plus. – 2011. – № 1. – С. 275–300. (1,5 п.л.; авторский вклад – 0,6 п.л.)

40. Деревянко А.П., Исламов У.И., **Колобова К.А.**, Флас Д., Павленок К.К., Мухтаров Г.А. Верхний палеолит Узбекистана: стоянка Кульбулак // История материальной культуры Узбекистана. – 2012. – Вып. 38. – С. 18–37. (1,5 п.л.; авторский вклад – 0,5 п.л.)

41. Деревянко А.П., Исламов У.И., Кривошапкин А.И., **Колобова К.А.** Верхний палеолит Узбекистана: стоянка Додекатым // История материальной культуры Узбекистана. – 2012. – Вып. 38. – С. 37–57. (1,5 п.л.; авторский вклад – 0,75 п.л.)

42. Damien F., **Kolobova K.**, Pavlenok K., Vandenberghe D., De Dapper M., Leschisnky S., Viola B., Islamov U., Derevianko A., Cauwe N. Preliminary results of new excavations at the Palaeolithic site of Kulbulak (Uzbekistan) URL: // Antiquity/ <http://www.antiquity.ac.uk/projgall/flas325/> (дата обращения 5.07.2011)

Публикации тезисов докладов:

43. **Колобова К.А.**, Кривошапкин А.И., Славинский В.С. Характеристика метрических параметров орудийных основ в индустрии грота Оби-Рахмат (Республика Узбекистан) // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. Материалы региональной научно-практической конференции. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – С. 86–89. (0,3 п.л.; авторский вклад – 0,1 п.л.)

44. Анойкин А.А., Славинский В.С., Цыбанков А.А., **Колобова К.А.** Изделия из бивня мамонта в палеолитических комплексах Горного Алтая // Тезисы докладов 4 международной мамонтовой конференции. Якутск, 2007. – С. 11–12. (0,3 п.л.; авторский вклад – 0,1 п.л.)

45. Krivoshapkin A.I., **Kolobova K.A.** Appearance of modern humans and modern behavior in Central Asia: Case-study of Obi-Rakhmat rockshelter, Uzbekistan // Annual meeting of European associations of archaeologists, 2007. – P. 280. (0,1 п.л.; авторский вклад – 0,05 п.л.)
46. **Колобова К.А.**, Славинский В.С., Цыбанков А.А. Орудийная коллекция начала верхнего палеолита памятника Орхон 7 (по материалам первого раскопа) // Северная Азия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: Всерос. Конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию Михаила Михайловича Герасимова. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2007. – Т. I. – С. 345–350 (0,5 п.л.; авторский вклад – 0,3 п.л.)
47. Деревянко А.П., Исламов У.И., Кривошапкин А.И., **Колобова К.А.**, Фляс Д. Страницы истории древней культуры Узбекистана // Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет (материалы международной научной конференции, посвященной 2200-летнему юбилею Ташкента). – Ташкент: Изд-во ФАН, 2009. – С. 7–16. (0,5 п.л.; авторский вклад – 0,2 п.л.)
48. **Колобова К.А.** Верхний палеолит Узбекистана: смена интерпретационной парадигмы // Труды III (IXI) Всероссийского археологического съезда. Т. I. – СПб–М–Великий Новгород, 2011. – С. 51–52. (0,2 п.л.; авторский вклад – 0,2 п.л.)